

Виктория Сушко

Компенсация

повесть

Виктория Сушко
Компенсация. Повесть

«Издательские решения»

Сушко В.

Компенсация. Повесть / В. Сушко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964595-1

Самара-городок, волжская провинция. Встречаются двое — девушка, ищущая свое призвание в современном искусстве, и молодой рекламщик, одержимый идеей создать творческое сообщество, которое изменит этот «мир потребления». Взаимное притяжение побуждает их к активным действиям. Но эгоистичное решение своих проблем за счет другого и компенсация собственной творческой неполноценности уводят героев от воплощения амбиций к тем дорожкам, которые видятся более естественными для их беспокойных натур.

ISBN 978-5-44-964595-1

© Сушко В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Молодой человек с прошлым	7
Младший брат	8
Самое заветное желание	10
В гостях у минималиста и чайлд-фри	12
Семейные ценности продавца унитазов	14
Тата кое-что скрывает	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Компенсация Повесть

Виктория Сушко

© Виктория Сушко, 2019

ISBN 978-5-4496-4595-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

На том берегу ничего не было. Дикая природа – пугливые птицы, раскидистые осоки, ивы, болотца, кабаны. Ни моста, ни канатной дороги, добраться можно только речным трамвайчиком или катером. Вплавь не рекомендовали – слишком сильное течение, слишком холодные воды. Броситься переплыть Волгу – что-то вроде самоубийства. Сядишься на трамвайчик, через полчаса ты в Рождествено, это село, ничего примечательного, рынок, церковь. Но с берега видны таинственные заросли, и если у кого имелись хороший велосипед или байдарка, можно было разгадать секрет, заглянуть в другие миры. Пожить недели две в палатке, в песках, у воды – бесплатный способ очистить сознание, медитация по-русски. Почему бы не прописать этот простой метод как профилактику в борьбе с городскими нервными расстройствами, да и просто от неудовлетворенности жизнью?

Но те, кто привык к санузам, маршруткам и хорошему вайфаю, продолжали с тоской смотреть на тот берег, выдумывая небылицы про места силы или аномальные зоны, где время останавливается, пропадают люди, как можно туда ехать, страшно же...

В город приезжали из сел, деревень и других небольших городков, из города уезжали в Москву, Питер, за границу. А те, кто оставался, учились видеть красоту и радоваться жизни, не претендуя на всемирную славу и большие деньги, но иногда мечтая о большой любви и необыкновенной жизни. Как два героя этой волжской повести.

Молодой человек с прошлым

Артур никогда не стриг ногти. Ногти на руках он грыз, когда вел по телефону переговоры с трудными клиентами. Или когда смотрел старые черно-белые фильмы про идеальных и оттого несчастных мужчин. На ногах ногти стирали носки в дыры, втыкались в ботинки, было больно. Артур терпел и ждал, когда сами отвалятся. Подруга детства Нинка стыдила, фыркала, ругала, убеждала, но все чужие убеждения бесполезны, когда речь идет о плохих привычках. Нинка работала в фотосалоне админом, а в свободное время занималась живописью, причем не какие-нибудь пейзажи с березками или натюрмортные акварельки – она отчего-то всем сердцем полюбила пуантилизм и искала в этом направлении свой метод. Покрывала квадратные холсты разноцветными пупырышками акриловой краски, в нижнем правом углу подписывала: «Нина Су». Потому что своя фамилия у нее была не очень благозвучная – Суднова.

В пять лет Артур переболел менингитом. Ему говорили потом, будто после этой болезни либо помираешь, либо остаешься на всю жизнь дураком. Мальчик не только выжил, но еще и спустя десять лет перенес тяжелую травму черепа, остался никому не видный шрам и редкие головные боли. К началу нашей истории Артуру исполнилось двадцать пять, и он считал себя гением. Иногда, чтоб взбодриться, он напевал одну песенку, автора которой не помнил, да и вообще помнил только две строчки из нее: «Эй, морячки, а это ласты чьи? – По голове себе постучи!». Пел и ржал, сам с собой.

В девятнадцать у Артура была жена Арина. Они прожили вместе полтора года, перетусив во всех клубах города и перепробовав все доступные виды наркотиков. Потом Арина сказала, что хочет ребенка, и вскоре забеременела, от другого. Потому что от Артура забеременеть она не могла, и это не из-за наркотиков. Он вообще баловался просто, привязанность никак не возникала, скорее все это было от скуки.

То ли перенесенный менингит, то ли плохая наследственность, Артур точно не знал, врач сказал, надо пройти комплексное обследование, у Артура тогда не было лишних денег. Он вообще не думал о детях и когда узнал про свои неспособные к зачатию сперматозоиды, ничего не почувствовал, разве что пустоту – как напоминание о неизбежном конце его, Артура, существования.

Итак, герою нашему четверть века, он молод и чувствует себя примерно как Онегин на бульваре, как Печорин на кавказском курорте, в общем, как и подобает чувствовать себя беспокойным молодым людям в поиске своего пути. За рулем подержанной красной «девятки» он наворачивает круги по ночному городу, на полной громкости какой-то транс-трип-хоп, скачал младший брат, вчерашний подросток. Брат живет с родителями в пригороде, а у Артура квартира в географическом центре, умерла бабушка, оставила любимому внуку. Родители убеждали поделить по-честному, ведь еще брат, еще маленькая сестра, но Артур просто признался им всем, как же они достали его за двадцать пять лет, и съехал, без вещей, три года назад. Открыл с другом Пашкой, одноклассником, с первого класса не разлей вода, рекламную фирму. Реклама наружная, фирменный стиль, промо-акции, всё, что душе угодно, был бы спрос. Недавно Пашка вдруг переменял религию и укатил в Непал, без средств связи, сказал, вернется и возобновит работу, так что Артур взял на себя все дела, пришлось возиться с бухгалтерией, изучил конкурентов, решил ориентироваться на столицу, переименовал фирму в «дизайн-бюро Точка сборки», Пашка заценит, если, конечно, вернется. Сам Артур ничего не производит, у него своя деревня этих дизайнеров-верстальщиков-печатников, он посредник, он сводит людей друг с другом и получает свой хороший процент. А по ночам гоняет с братом на красной «девятке» по спящему городу в поисках тех, кто не спит.

Младший брат

Денег ноль, секса – ноль
Музыка сдохла, мальчик мой
(Земфира)

– Почему бы тебе не уехать в Питер, брат? Почему не в Москву? Тут же все спят, сонная унылая провинция, что тут ловить? Летом еду поступать в МГУ, не поступлю, пойду в московский пед, туда точно пройду. Лишь бы не видеть это унылое говно. И тачка у тебя стремная.

Артур мчится по улице Победы, тут вечерами подрабатывают девушки... Говорят, в Самаре самые красивые девушки. В соседнем городе Тольятти они тоже полюбили свою улицу Победы, такое странное совпадение.

– Яр, тебе уже семнадцать, а ты ничего не знаешь о жизни. Смотри, какие офигенные телки. Сейчас выберем двух, а хочешь, трех – и поедem на Волгу, на старую набережную, а потом в гостиницу «Ибис», зачетное название, да?

Ярослав смеется, он знает, сейчас денег нет, они даже жрали сегодня не в модной пиццерии на «арбате» как обычно, а в закусочной на заправке купили какие-то эчпочмаки и упле-тали их прямо в салоне. Да и предложение потусить с проститутками было для младшего брата пока за гранью реального, хотя Яр знал, это вполне в духе Артура, тот всегда был «плохим мальчиком». Отец говорил: в семье не без урода. Мать вздыхала – это все последствия менингита, судьба такая. В последний месяц у Артура дела шли вяло, еле хватало покрыть налоги и бензин, Ярослав вообще не понимал, на что живет брат.

– Ну что, не горит Яр желанием прокататься всю ночь с самими красивыми девушками в мире?

– Яр горит желанием покурить травы, как год назад, помнишь?

– Нет денег, брат. Очень уж это затратное хобби. Я вообще завязал, и знаешь, это только пошло на пользу моему уму. У меня теперь новый план, покруче того, о котором ты мечтаешь.

Артур улыбнулся той улыбкой, которую младший брат знал с детства – она означала, что тут ничего не добьешься, тут великая тайна, и мы сами все узнаем в свое время.

– Чего мы стоим?

– Смотри, какая-то принцесса грустит.

По темной улице шагала девушка, то и дело закрывая лицо руками, что-то выкрикивая в пустоту. Комбинезон, рюкзак, кеды, коротенькие колечки рыжих волос – со стороны можно принять за пухлого подростка. Артур замедлил скорость.

– Девушка, стойте, остановитесь!, – она сделала вид, будто не слышит, – Девушка, мне нужна ваша помощь, пожалуйста, спасите меня!

Это сработало. Грустный пешеход остановился. Веснушчатое лицо его блестело от слез, опухшие глаза гневно смотрели в упор, с вызовом, с отчаянием, с надеждой. Артур даже позабыл все слова, но брат пришел на помощь.

– Мы потерялись. Не подскажете, где улица Демократическая? Где-то рядом?

Девушка разразилась новым потоком слез, у нее было никаких сил себя сдерживать.

– Да что случилось, кто-то умер, что ли? Парень бросил?

– Нет! Я сама потерялась! Я не знаю, где я, понятия не имею.

– А куда тебе надо?

– На Арцыбушевскую, общага меда.

– Так это рядом, через две улицы, вытирай слезы и залезай.

И она тут же села на переднее сиденье и очень громко хлопнула дверцей, а потом нервно заговорила, как будто ей было свойственно болтать без умолку, и это была, возможно, самая длинная речь, сказанная ею за всю жизнь.

– Вообще-то я не сажусь в машину к незнакомцам. Просто мне очень плохо. Это трудно понять, но я всегда дико себя веду, когда теряюсь в незнакомом городе, мне тогда кажется, я умираю, будто Бог меня оставил. Я не отсюда, я из Жигулевска, это такой маленький город, там никаких вузов, я сюда приехала учиться, на социального работника, в мед. Правда, я сначала думала, это что-то вроде психолога, а оказалось, это те самые тетки, которые ходят по домам немощных стариков. Или с алкоголиками работают. С проститутками, наркоманами. В общем, непосредственно с ними имеют дело... Это вообще ужасная работа, я не представляла... Я знаю, что не смогу. Если уж со мной истерика, когда я потеряюсь, то какие наркоманы... Но я учусь, уже на третьем курсе, потому что надо закончить, а уж потом поступать куда-то еще. Я же даже не знаю, чего хочу. Иногда я думаю, что хочу быть фотографом или художником, только надо купить крутую камеру или мольберт, но у меня нет денег... Я живу в общежитии и на всем экономлю, у меня нет денег на такси...

– Придется расплачиваться натурой, – сказал Ярослав, он любил такие шутки.

– Заткнись. Не обращай внимания на уроды на заднем сидении. Это мой брат Ярослав, а я Артур, а ты талантливое необыкновенное создание и я тебе предлагаю не грустить в общаге, а прокатиться до старой набережной, пройтись вдоль кромки реки, вдохнуть свежий ночной воздух...

– Вообще-то пять минут назад он предлагал снять нам на двоих проститутку и прокатиться до набережной с ними...

Артур тормознул у обочины, быстро открыл заднюю дверцу:

– Выметайся, братец. Не знал, что ты даун, вали домой пешком.

– Ну ОК. Счастливого потрахаться, братец.

Самое заветное желание

– Вот же сука, – процедил Артур, усаживаясь снова рядом с девушкой. – Не бери в голову, у него гормональное, сам был примерно таким же козлом.

– Да ничего, даже смешно немного. Откровенно говоря, ты мне совсем не нравишься. То есть ты, конечно, милый, но между нами ничего не может быть.

– Да, будем друзьями! В конце концов, где дружба между мужчиной и женщиной, а? Куда катится мир? А я сразу почувствовал, ты офигенная, не как все. Вот кому ты что-то кричала, когда шла и плакала, к кому ты обращалась?

– Не смейся. К Богу. Это мое с ним общение. Я одинокий человек, потому что мне мало с кем хочется общаться, поэтому в основном, я общаюсь с Богом.

– Так это хорошие новости! Бог, значит, существует.

Они спустились в реке, вода слегка рябила, на берегу почти никого не было, а с того берега, наверно, с турбазы, доносилась мелодия из 90-х:

Queen of my heart...
Queen of my soul...
Queen of my deepest emotions...
Queen of my heart
Queen of my soul
Oh Valerie

Был теплый, совсем летний вечер и эти двое сели прямо на песок, какое-то время просто смотрели на пляшущие огоньки и их причудливое отражение на воде.

– Странно, – мягко сказала девушка, и Артур понял, что ему хочется слушать звук этого голоса еще и еще, – странно, всегда кажется, будто на том берегу жизнь гораздо интереснее. Будто там происходит какое-то волшебство. А вот идет теплоход – и как же хочется сейчас оказаться на палубе, пить вино, слушать эту дурацкую музыку и смотреть на то, как меняются перед тобой виды.

Девушка с веснушками обернулась к Артуру, в ее глазах веселились эти пляшущие огоньки, и было неясно, серьезно она о чем-то в своей жизни сожалеет, или просто болтает с незнакомцем о неважном.

– Ночью с палубы ничего не видно – темно, ветер дует. Какое волшебство? Там же было городское проводит отпуск. Пожрать, побухать, снять телку. Еще дети их орут и носятся все время. Отлично! Ты этого хочешь? Жирного вялого мужика под боком, детишек, которые требуют колы, чипсов и дебильных мультиков?

– Я хочу рисовать. Заниматься живописью. Это все, что я хочу.

Рисовать Артур не умел, как и писать стихи, играть на фортепиано, он был далек об искусства, но с детства завидовал этим «творческим личностям» и пытался вести «богемную жизнь», как он ее себе представлял. А еще вот так же гореть чем-то высоким и большим, тем, что больше тебя, растворяться в процессе, отдавать себя без остатка, быть выше себя, быть как бог.

– Как тебя зовут? Ты ведь не сказала.

– Наташа.

– Наташа? Так просто? Нет, надо по-другому... Если уж ты собралась быть художницей, которую все знают... Тебя зовут Тата.

– Какая еще Тата? Меня девятнадцать лет все Наташей зовут.

– Художник Наташа. Нет, это не то, это не имя для современного художника.

– Художницы.

– Хм... Я думал, что художница – это что-то вроде «поэтесса», презрительное... Я вообще феминист!

– Вот и используй феминитивы.

– Постараюсь, Тата. Тебя никто еще не знает. А скоро о тебе будет говорить весь город! Тебе очень повезло со мной. Я твоя судьба! Я же офигенный рекламщик, я тот, кто тебе нужен, чтобы сделать имя.

– Мне не нужно имя. Мне негде рисовать, понимаешь? В общаге совершенно негде, где я поставлю мольберт? Кто меня там оставит в тишине? Это вообще невозможно.

Артур примерно представлял, как живут в общежитиях, и не стал спорить. У него была своя квартира, он чуть не предложил Тате устроить мастерскую у него дома. Но за пять лет Артур привык жить один. Стоила ли эта веснушчатая девушка того, чтобы менять под нее свою жизнь?

– Слушай, который час? Забыла телефон, а других часов нет.

– Да, ты действительно художник, творческие люди вечно не следят за временем, зачем им вообще часы?

– Например, чтобы возвращаться в общагу до закрытия. После одиннадцати уже не пускают.

– Поздравляю, ты не успела.

В гостях у минималиста и чайлд-фри

Можно было гулять всю ночь, но майские ночи обманчивы, и уже вскоре Тата дрожала от холода. У Артура не было денег на кафе, и они поехали к нему. В машине Тата стала молчаливее, ей было неудобно ехать к незнакомцу еще и в ночь, на всякий случай она старалась быть менее обаятельной, чем была, лишь бы не провоцировать. Она знала, как легко могут вскружить голову ее рыжие завитушки. Но вид артуровой квартиры вывел ее из молчанки.

– Как пусто! Ты правда здесь живешь? Это вообще не похоже на человеческое жилье! Белые стены, черный пол, белый диван... А где шкафы, где стол?

– Да, я сознательно стремился к минимализму. Два встроенных шкафа в коридоре, ничего лишнего. Стол мне не нужен, для работы у меня макбук, и я просто лежу с ним на полу, или вот есть подушки. У меня, кстати, и на кухне ничего лишнего. Две тарелки, две ложки, две чашки. На двоих. Больше одного гостя у меня почти не бывает. А если приходит компания, покупаем одноразовую посуду. Зато сколько пространства, да?

– Кайф! А я бы здесь все заставила – мольберт, подрамники, полки для материалов, всякие бутылочки, вазочки, разный реквизит... Эх, никогда у меня не будет своей мастерской!

– Так категорично?

– Конечно, я же учусь на соцработника.

– Ну, будешь ухаживать за какой-нибудь одинокой бабкой, а она перед смертью перепишет квартиру на тебя – вот и будет у тебя мастерская.

Артур заварил кофе покрепче, в холодильнике нашлось все для бутербродов. Он предложил Тате не спать всю ночь, потому что знал: все равно не уснет рядом с ней – он не мог спать с другими людьми. С бывшей женой промучился от бессонницы. Хотя они больше тусили по клубам, а утром отрубались без сил.

– Знаешь, я был женат.

– Надо же. А... дети?

– Слава богу, нет! После развода я понял, что брак – это не для меня. Предпочитаю свободу. У меня офигенные планы на эту жизнь, и я не имею права терять время на выяснение отношений из-за невымытой посуды и так далее. А ты? Тебе нужна свадьба, белое платье, клятва верности, все такое?

– Не знаю... Мне бы хотелось... встретить своего человека. Необыкновенного, который будет меня вдохновлять. Мне бы хотелось создать пару. Чтобы вдвоем мы смогли больше, чем по одиночке.

– Класс.

Артуру хотелось и дальше философствовать про отношения М и Ж, но Тата уже клевала носом и попросила плед и выключить свет. Артур слушал свой транс-трип-хоп в наушниках, попивал вино и все глядел на спящую Тату, пока не очнулся от трезвонящего мобильного. Было уже утро, было уже десять утра и в этот час ему надо было быть на другом конце города на встрече с клиентом.

– Простите, сейчас буду. Подождите меня двадцать минут, хорошо? Возьмите чашку чая или еще что, я оплачу. Эй, малышка, нам пора бежать, эй, где ты?

Тата варила кофе.

– Спасибо, детка, кофе – как мило! Но времени нет, надо бежать, лететь, а ты вчера спрашивала еще про детей. Какие, к черту, дети, нет времени! Могу подвезти тебя до общаги, мне по пути. Она уже открылась.

– Да, только ты умойся, все же. У тебя, кажется, какая-то важная встреча. Можно, я возьму твою термокружку?

Кофе Тата допивала в машине, дождь заливал стекла, Артуру было удивительно тепло рядом с молчащей рыжей попутчицей.

– Поехали со мной на встречу. Не хочу с тобой расставаться.

– А что я там буду делать?

– Будешь делать вид, что ты офигенный дизайнер. Мне заказал логотип магазин сантехники, встречаюсь с директором.

– Сантехника – это как-то скучно. Но если ты закажешь мне завтрак, так и быть. А то я вчера не ужинала даже.

– Прости, я слишком далек от всего этого быта. Наверное, поэтому я такой худой.

Рядом с Татой, этой нимфой с полотен Боттичелли, Артур и правда выглядел слишком, по-средневековому тощим. Как только он Тату увидел, сразу понял: было бы неплохо с ней переспать. Интересно. Может, даже классно. Но вот так просто сделать это – предложить напрямую или исподволь, романтика, цветы, сюрпризы, подарки – это ему было скучно. Естественность, спонтанность, немного безумия, взаимное притяжение без кокетства и компромиссов – вот о чем он мечтал.

Семейные ценности продавца унитазов

– Смотри, Тата, какой скучный чувак. Почти час меня ждет – тупо смотрит в окно и злится. Вместо того, чтобы спокойно заниматься работой. Или хотя бы поболтать с официанткой, книжку почитать. Нет, этот придурок накручивает себя, чтобы к моему приходу на его лице было ясно написано само негодование. Таких уродов большинство, их уже не изменишь. И пока их большинство, очень сложно что-то менять в этом мире. Креативным людям вроде нас с тобой приходится лоб расшибать в кровь, чтобы доказать ублюдкам, что можно все делать по-другому – интересно, нестандартно. Но этому кретину явно нужен унитаз на логотипе. Пусть всем будет понятно, что он занимается по жизни говном.

Поприветствовав одинокого мрачного посетителя кафе, Артур расплылся в ослепительной улыбке, попробовал пошутить и, услышав в ответ многозначный хмык, вынул из портфеля несколько распечаток с эскизами логотипа. Пока клиент хмуро разглядывал предложения и дотошно расспрашивал у Артура про каждую черточку, Тата заказала европейский завтрак и углубилась в свой блокнот. Клиент вдруг обратился к ней.

– Простите, вы – художник?

– Да, этой мой дизайнер, Тата, – ответил вместо нее Артур.

– Тата, это очень хорошо, что вы художник. Знаете, я понял, мне нужен логотип, отрисованный рукой. И никакой конкретики – никаких этих санузлов и кранов. Мне надо выразить идею нашей компании – она состоит в том, что люди покупают надежное немецкое качество по высокой цене, и эта техника будет служить им десятилетия. В этой идее выражены семейные ценности – мы заботимся прежде всего о семье, которая трепетно относится к бюджету и не готова бросать деньги на ветер. Наша сантехника переживет нас и наших детей – вот про что наша компания.

Победоносный взгляд клиента и ошарашенный Артура обратились к Тате, и ей надо было что-то ответить.

– Ух ты. Вау! Отличная у вас концепция. Давайте попробуем! А когда вам нужен готовый лого?

– С учетом времени на изготовление и печать всей наружной рекламы – а это неделя, а открытие у вас в следующий понедельник, – вставил Артур.

– Да, с учетом этого всего... Завтра утром.

Тата задумчиво потеревшила в руках круассан и откусив кусочек, хитренько подмигнула Артуру, и он едва стерпел, чтобы не наброситься на нее и не потащить куда-нибудь целоваться, но оставить денежного клиента при своих деньгах он не мог.

– Хорошо, – деловито кивнула Тата. – Только мне придется тогда сегодня снова ночевать у тебя.

Впереди было еще три встречи, так что Артур хотел отвезти Тату на пары, чтобы потом забрать ее снова к себе, усадить за ноут и вместе изобразить семейные ценности непревзойденного немецкого качества, но Тата любила спорить и делать все по-своему, и это еще больше распалило Артура, никуда увозить ее он не хотел, вдруг еще пропадет в неизвестном направлении. У него даже нет ее номера телефона. Почему? Тата объяснила, что телефон украли пару месяцев назад, а новый покупать расхотелось. Без телефона ей жилось удобнее, меньше обязательств. Кто станет связываться с человеком, у которого нет телефона, если его потом не поймать и не получить желаемое. Тата сопровождала Артура на всех его встречах, в ее рюкзаке нашелся набор маркеров и блокнот, так что она тихонько делала наброски – мама, папа, дети. Крепкая немецкая семья.

– Ты снова забыл про обед, а уже время ужинать.

– У меня на эту фигню времени нет, мне надо завоевать мир, а для этого надо много денег, и мы сейчас занимаемся их зарабатыванием. Так что поужинаем вечером, когда отрисуем логотип.

Но вечер плавно перешел в ночь, и пока Артур переводил в кривые рисунок Таты, она сбегала в магазин, приготовила рагу и сама же его съела, и потом, сидя на подоконнике и глядя на спящий город, еще долго попивала вино из бокала. Артур согласовал с заказчиком логотип, выслал в типографию, ответил на несколько писем, созвонился еще с двумя клиентами и, наконец, вспомнил про Тату, она не улыбалась.

– Тебе скучно? Что грустишь? Хочешь, еще дам тебе пару заказов?

– Да нет, просто... Это не то, что мне нужно.

– Здорово. Слава богу. А то я уж думал, ты у нас будешь специалистом по семейным ценностям. А чего ты хочешь?

– Я хочу... Я тебе говорила уже. Я хочу стать художником.

– Ты уже художник. Чувак с туалетами так и сказал. Что еще? Или тебе нужно в это поверить?

– Возможно. Я бы хотела... свою персональную выставку. Чтобы все пришли, посмотрели мои работы и запомнили меня. И может, кто-то бы купил мои картины. Но это невозможно.

Тата грустно махнула бокалом, выплеснув половину вина на пол. Артур мягко забрал бокал и взял ее руку.

– Знаешь, необязательно устраивать выставку в музее или в крутой галерее. Ты сказала – надо, чтобы все пришли. Толпу я для тебя сделаю, я же рекламщик. А место может быть любое. Хочешь, сделаем выставку в офигенном заброшенном доме? Будет круто. Никто еще не делал таких выставок в этом городишке. А если и делал, то при нулевом пиаре – мы же о ней не знаем.

– У меня нет картин, нечего выставлять – мне негде работать, мастерской нет.

– Ладно. Слушай, ладно, давай устроим тебе тут временную мастерскую. Я все равно прихожу домой только ночевать и сижу за компом. Здесь тебе хватит места?

Тата замерла, она хотела сперва начать отказываться, но не нашла ни одной причины сделать это.

– Ты такой необыкновенный! Боже, ты самый лучший!

– Я просто хочу тебе помогать. Наверное, из-за твоего таланта. Надо поддерживать талантливых людей, надо друг другу помогать, когда вокруг столько быдла и дерьма.

И они, перебивая друг друга, стали придумывать, куда что можно поставить и что нужно купить, а что можно сколотить своими, то есть артуровыми руками. А потом уснули на полу, потому что пришло утро и сил фантазировать дальше не было. Утром Артур так сильно захотел Тату, что отмахнулся от недавних доводов в пользу творческой дружбы, как от надоедливового сновидения. «И потом, кто запрещает дружить после секса, – лениво думал он, с еще закрытыми глазами нашаривая у Таты под майкой – И как мило, что она сняла комбинезон и не пришлось разводить суету с этими калепками». Тата тоже не стала открывать глаз, ей снилась какая-то неземная романтика, со стоном она прижалась к своему меценату и позволила ему всё, что он хотел. А потом все-таки они открыли глаза – несмело, даже смущенно. Артур хотел объясниться, ему надо было проговорить то, что произошло, договориться о том, как им жить дальше, чтобы было приятно и просто, но Тата просто не любила. Ей вообще было стыдно за это все, ей хотелось, чтобы ничего такого не было, она знала – Артур не ее мужчина, не ее вкуса, температуры, характера, нет искры, нет безумной страсти, не очень-то и хотелось. И было так себе, по ее ощущениям. А как же теперь мастерская?

– Мне кажется, я влюбился, детка.

– Мне тоже... кажется. Знаешь, ты опаздываешь к своему сантехнику. Мне, наверное, необязательно быть на встрече. Мне хотелось бы пройтись.

– Просто пройтись? Брось, поехали со мной! Срубим с него бабла и устроим роскошный обед, покажу тебе мое любимое местечко.

– Я бы зашла в магазин, художественный, посмотрела бы мольберты.

– А, ну давай так. У тебя всегда после секса творческий подъем?

– Нет, только с тобой!

Услышав такой комплимент, Артур хотел еще, но Тата, смеясь, сослалась на бегущее время, необходимость душа и вроде у нее получилось не посеять у Артура сомнений насчет его притягательности.

Тата кое-что скрывает

Полосатые котята ползают, пищат.
Любит, любит наша Тата маленьких котят.
Но всего милее Татеньке не котенок полосатенький
Не утенок, не цыпленок, а курносый поросенок...
(К. Чуковский)

Ближайший магазин для художников находился в трех остановках от дома Артура, но Тата этого не знала. Вдохнув порцию свежего воздуха, она быстро осмотрелась и достала из кармана сигарету, вытянутую из чужой пачки пару минут назад. Артуру она сказала, что не курит, и в этом была почти правда. Но раз в несколько месяцев Тата затягивалась. У нее никогда не было своих сигарет, чтобы родители не спалили. Мама с папой, кстати, жили в коттедже на выезде из Самары, а не в городе Жигулевске, как думал Артур. Тата включила спрятанный на дне рюкзака айфон. Шестнадцать неприятых вызовов, пять эсэмесок примерно одного содержания: «Ты где шляешься, шалава? Срочно позвони». Тата не стала отвечать и на всякий случай снова отключила питание, предвидя новую лавину звонков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.